А. Г. Гродецкая

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЮБИЛЕЙ ФЕТА В ПИСЬМАХ А. Н. МАЙКОВА К СЫНОВЬЯМ

(К истории юбилейного послания «А. А. Фету»)

«Мои воспоминания» Фета завершались финальным признанием: «Мне бы следовало закончить свои воспоминания юбилейными днями 28 и 29 января 1889 года. Но об этом так много было говорено в разных изданиях, что я не надеюсь сообщить по этому случаю что-либо новое читателю, который и без того может счесть мои воспоминания слишком подробными».[1] Действительно, 50-летие литературной деятельности поэта отметили все ведущие газеты и журналы.[2] В задачу данной публикации не входит обзор юбилейных материалов, хотя они, вероятно, и заслуживают того, чтобы быть собранными и опубликованными.[3]

---

[1] *МВ*. Ч. 2. С. 400.

[2] См. перечень публикаций: *Федина В. С. <Ильяшенко В. С.>* А. А. Фет (Шеншин): Материалы к характеристике. Пг., 1915. С. 15—16.

[3] Первая юбилейная публикация появилась еще 21 января 1889 г. в «Новом времени», здесь был напечатан (анонимно) небольшой беллетризованный биографический очерк «А. А. Фет» (*НВр*. № 4633. С. 3). Обстоятельный биографический очерк (официальный) «А. А. Фет-Шеншин (По поводу пятидесятилетия его литературной деятельности)» был помещен 26 января в газете «Правительственный вестник» (№ 21. С. 2), текст также давался без подписи и был основан на материалах Н. В. Гербеля, на что указывала соответствующая ссылка (имелось в виду издание: Русские поэты в биографиях и образцах / Сост. Н. В. Гербель. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1888. С. 424—426). Из «Правительственного вестника» он был 28 января перепечатан в «Санкт-Петербургских ведомостях» («К юбилею А. А. Фета». № 28. С. 2), «Биржевых ведомостях» (№ 28. С. 2; без загл.), «Московских ведомостях» («А. А. Фет-Шеншин. Биографический очерк». № 28. С. 3—4) и ряде других изданий. «Московские ведомости», кроме того, 28 января опубликовали (за подписью «Z.») пространную статью «А. А. Фет. 1839—1889» (№ 28. С. 3). Подробная

© А. Г. Гродецкая, 2018

Поэт, как известно, отмечал юбилей два дня — 28 января, в субботу, дома, на Плющихе, принимая поздравительные адреса, телеграммы и поздравителей лично и раздавая пришедшим текст собственного стихотворения «На пятидесятилетие моей Музы» («На утре дней все ярче и чудесней...»), типографски отпечатанный на отдельном листке.[4] В воскресенье, 29 января, состоялся подписной обед в московском ресторане «Эрмитаж», где вновь звучали поздравительные речи, читались адреса, телеграммы и поэтические приветствия.

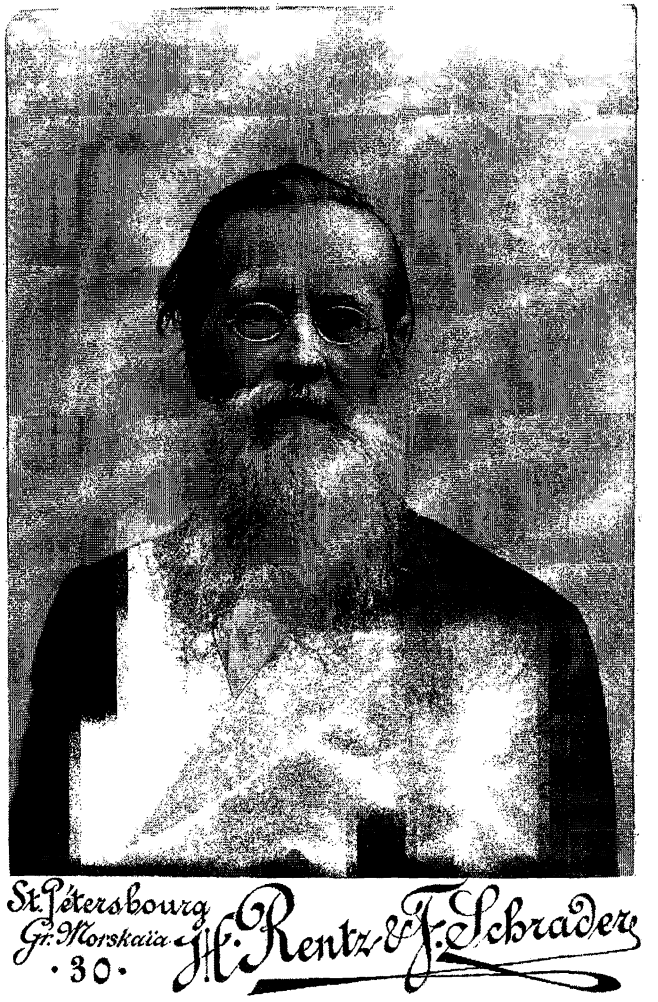
Неоднократно в газетных и журнальных публикациях отмечалась близость по времени «триады» юбилеев: Я. П. Полонского — 10 апреля 1887 года, А. Н. Майкова — 30 апреля 1888 года и, спустя без малого год, — А. А. Фета.[5] Речь, разумеется, шла и об эстетической близости «триады» поэтов, двое из которых уже удостоились юбилейных посланий, адресованных друг другу. Вспомним строки послания Майкова «Я. П. Полонскому», в которых объединены «чудным даром» отмечающие свои 50-летние литературные юбилеи «три мальчика»:

Тому уж больше чем полвека,
На разных русских широтах,
Три мальчика, в своих мечтах
За высший жребий человека
Считая чудный дар стихов,
Им предались невозвратимо...
Им рано старых мастеров,
Поэтов Греции и Рима,
Далось почуять красоты:
Бывало, нежный луч Авроры
Раскрытых книг осветит горы,
Румяня ветхие листы, —
Они сидят, ловя намеки,
И их восторг растет, растет
По мере той, как труд идет
И сквозь разобранные строки
Чудесный образ восстает...

хроника чествования Фета 28 и 29 января, помещенная в двух номерах «Московских ведомостей», соответственно за 29 и 30 января (№ 29, 30) републикована (не полностью, с сокращениями); см.: Юбилей А. А. Фета // *Садовской Б.* Ледоход: Статьи и заметки. Пг., 1916. С. 187—192.

[4] См.: *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 2. С. 14, примеч. на с. 267—271.

[5] В 1888 г. в Литературно-драматическом обществе возник замысел издания сборника, посвященного «тройственному юбилею» поэтов; материалы к сборнику были собраны, однако издание в полном объеме осуществлено не было; см. подробнее о его судьбе в примечаниях М. И. Трепалиной к переписке Фета с Я. П. Полонским — *Фет/Полонский.* С. 696, 744, 759, 774 (примеч. к письмам 56, 81, 88, 95).



А. Н. Майков. Фотография ателье «А. Ренц и Ф. Шрадер». Петербург, 1891 г.

Завершалось послание тостом:

В полустолетье ж наших муз
Провозгласим мы тост примерный
За поэтический, наш верный,
Наш добрый тройственный союз![6]

[6] *Майков А. Н.* Соч.: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 418–419.

«Трех мальчиков» из послания Майкова Полонский и Фет вспоминали позднее не раз. Полонский писал Фету 8 октября 1888 года: «Эх, следовало бы и твой, и мой, и майковский юбилей отпраздновать в один день, так как все мы почти что сверстники, *три мальчика* — по выражению Майкова! — Хороши мальчики! нечего сказать! даже и не верится, что и мы бегали взапуски и учились азбуке...».[7]

Ко дню литературного юбилея Фета свои поэтические послания готовили и Полонский, и Майков. Юбиляр 27 января писал великому князю Константину Константиновичу, уже получив от него поэтическое поздравление: «Полонский и Майков готовят мне приветственные стихотворения <...>».[8] Однако тексты этих посланий в газетах в юбилейные дни, 28 и 29 января, и прежде всего текст послания Майкова «А. А. Фету. В день его 50-летнего юбилея 28 января 1889 г.» («Когда, как бурный конь, порвавший удила...»),[9] о котором и пойдет ниже речь, обнаружились не сразу.

Подборку юбилейных материалов 28 января в «Новом времени» и «Московских ведомостях» открывал сонет великого князя Константина Константиновича «А. А. Фету. На 50-тилетний юбилей его литературной деятельности».[10] 29 января он был воспроизведен в нескольких столичных и московских газетах, 31 января появился в «Правительственном вестнике» (№ 25. С. 2). Первыми в перечне многочисленных поздравлений, адресованных Фету, были упоминаемы в юбилейных отчетах и телеграммы великих княгинь Александры Иосифовны, матери К. Р., Елизаветы Маврикиевны, его жены, и королевы Ольги Константиновны, его сестры.[11]

Юбилейных посланий Майкова и Полонского в петербургских и московских газетах за 28 января нет. Нет и упоминаний о чтении этих посланий в отчетах о чествовании поэта 28 января, помещенных в ряде

---

[7] *Фет/Полонский.* С. 679.

[8] *Фет/К. Р.* С. 744.

[9] См.: *Майков А. Н.* Соч. Т. 1. С. 487—488.

[10] См.: *НВр.* 1889. № 4640. С. 2; *МВед.* 1889. № 28. С. 3 (здесь публикация предварялась сообщением: «Мы получили, для напечатания в нумере „Московских ведомостей“, имеющем выйти в самый день юбилея А. А. Фета, следующий сонет <...>»). См. о подготовке публикации в статье М. И. Трепалиной «Переписка с великим князем Константином Константиновичем (К. Р.)» и ее же примечаниях к переписке: *Фет/К. Р.* С. 572, 744—746.

[11] Возможность попадания августейших телеграмм в газеты серьезно беспокоила Фета, запретившего их печатание, о чем он рассказал в письме к К. Р. от 30 января 1889 г. Узнав, что телеграммы «пропечатаны в „Московском листке“ и еще каком-то мелком журнале», он был, по собственным словам, «как громом поражен» (*Фет/К. Р.* С. 747, примеч. на с. 748).

газет на следующий день, 29 января. Так, «Московские ведомости» среди материалов подробной хроники торжеств[12] опубликовали стихотворения поздравителей Ильи Офросимова и Анатолия Александрова.[13] В отчете «Правительственного вестника» сообщалось: «Генерал-лейтенант И. Ф. Офросимов и гг. Александров и Пальмин поднесли юбиляру свои приветственные стихотворения».[14] «Новое время» 29 января поместило стихотворные послания Константина Фофанова «Грусть и песнь» и Сергея Бердяева «А. А. Фет (К полувековому юбилею его поэтической деятельности)».[15] 30 января «Московские ведомости» опубликовали обширнейший обзор торжеств, состоявшихся 29 января в ресторане «Эрмитаж»,[16] где, в частности, сообщалось: «В седьмом часу юбиляр, при звуках баховского „Юбилейного марша“, вступил в залу с супругою своею Мариею Петровною и родственниками их. За столом против них поместился попечитель учебного округа граф П. А. Капнист, другие ближайшие места заняли генерал-лейтенанты граф А. В. Олсуфьев, почетный опекун, и И. Ф. Офросимов, супруга графа Л. Н. Толстого, председатель и товарищ председателя Психологического общества. На столе пред юбиляром и его супругой раскинуто было плато из живых цветов. Виньетка *тепи* обеда представляла музу, которая, имея около себя лиру, возлагает лавровый венок на вензель А. А. Фета, под которым римская цифра *L* и обозначение дня обеда».[17] В этом номере газеты были напечатаны прозвучавшие в зале «Эрмитажа» стихотворные послания Павла Козлова, Р. Ф. Бранта, Д. Н. Цертелева, Н. П. Аксакова и В. В. Коншина.[18]

---

[12] См.: Юбилей А. А. Фета // *МВед.* 1889. 29 января. № 29. С. 4—5.

[13] Там же. С. 5. Юбилейные послания названы, однако их тексты опущены в публикации: *Садовской Б.* Ледоход: Статьи и заметки. С. 189. *Офросимов* Илья Федорович (1827—1892), генерал-лейтенант (1883), состоял в запасе по армейской кавалерии; орловский помещик, коннозаводчик, знакомый Фета; см. о нем: *Кузьмина И. А.* Фет и его соседи Офросимовы // *ФетСб(2).* С. 63—85. *Александров* Анатолий Александрович (1861—1930), филолог, редактор-издатель, поэт; знакомый Фета и К. Н. Леонтьева. *Пальмин* Лиодор (Илиодор) Иванович (1841—1891), поэт, переводчик.

[14] Юбилей А. А. Фета-Шеншина // Правительственный вестник. 1889. 31 января. № 25. С. 2.

[15] *НВр.* 1889. № 4641. С. 2.

[16] См.: Юбилей А. А. Фета // *МВед.* 1889. № 30. С. 2—3.

[17] Там же. С. 2. Ср. то же: *Садовской Б.* Ледоход: Статьи и заметки. С. 190.

[18] *МВед.* 1889. 30 января. № 30. С. 3. В публикации Б. Садовского из всех текстов приводится только четверостишие Д. Н. Цертелева (*Садовской Б.* Ледоход: Статьи и заметки. С. 191).

Когда же были прочитаны, да и читались ли на юбилейных торжествах поэтические приветствия Майкова и Полонского? И когда впервые они попали на страницы газет?[19]

Лишь в самом конце подборки материалов в номере «Московских ведомостей» за 30 января, занявшей полтора газетных листа, после приветственных речей и телеграмм следовало сообщение: «В день юбилея Афанасием Афанасьевичем были получены, между прочими, стихотворения А. Н. Майкова и Я. П. Полонского, имеющие появиться в „Русском вестнике“ и потому, в охранение права литературной собственности, не сообщенные юбиляром для печати». «Тем не менее, — отмечалось далее, — они появились в „Московском листке“. Воспроизведение их оттуда не составит уже нарушения литературной собственности».[20] Ниже публиковались оба поэтических текста — Майкова («Когда, как бурный конь, порвавший удила...») и Полонского («Ночи текли — звезды трепетно в бездну лучи свои сеяли...»). Впервые, таким образом, юбилейные послания двух поэтов из знаменитого «тройственного союза» увидели свет 29 января не в центральных газетах, а в «серобумажной» прессе, в «Московском листке». Выразительную характеристику этого издания оставил в своих воспоминаниях В. А. Гиляровский, писавший о газете и ее владельце Н. И. Пастухове:[21] «Это — яркая, можно сказать, неповторимая фигура своего времени: безграмотный редактор на фоне безграмотных читателей <...>. Безграмотный редактор приучил читать безграмотную свою газету охотнорядца, лавочника, извозчика, трактирного завсегдатая и обывателя, мужика из глухих деревень. / Мало того, что Н. И. Пастухов приучал читать газету, — он и бумагу для „Листка“ специальную заказывал, чтобы она годилась на курево».[22] Излагая хронику событий 28 января, «Листок» сообщал 29 января: «Еще с двенадцати часов утра в квартиру маститого поэта начали собираться многочисленные депутации и почитатели симпатичного таланта юбиляра, и приезд поздравителей продолжался беспрерывно в течение целого дня. Вся интеллигентная Москва, в лице своих лучших представителей, явилась сюда, чтобы приветствовать

[19] Первой публикацией обоих текстов принято считать публикацию в № 2 «Русского вестника» за 1889 г.; см.: *Майков А. Н.* Соч. Т. 1. С. 561 (примеч. Л. С. Гейро); *Полонский Я. П.* Соч.: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 459 (коммент. И. М. Мушиной); ср. также: *Фет/Полонский.* С. 695 (коммент. М. И. Трепалиной).

[20] *МВед.* 1889. 30 января. № 30. С. 3.

См. подробнее о Н. И. Пастухове в примеч. к переписке Фета и Майкова в наст. томе.

[22] *Гиляровский В. А.* «Московский листок» // Гиляровский В. А. Соч.: В 4 т. М., 1989. Т. 3: Москва газетная. Друзья и встречи. С. 79—80.

маститого певца красоты и гуманности и пожелать ему долгие годы во славу русской литературы. Растроганный, взволнованный Афанасий Афанасьевич едва успевал отвечать на многочисленные поздравления и приветствия, раздававшиеся со всех сторон».[23] После перечисления поздравительных адресов и телеграмм (часть текстов цитировалась) в «Листке» сообщалось: «Многие известные поэты прислали Аф<анасию> Аф<анасьевичу> посвященные ему стихотворения; приводим три из них, и первым сонет, подписанный инициалами „К. Р.“».[24] За текстом сонета великого князя «А. А. Фету» («Есть помыслы, желания, стремленья...»), после извещения о присылке Я. П. Полонским «маститому юбиляру» поздравительного стихотворения и самого его текста, следовало: «Почтил Афанасия Афанасьевича стихами и А. Н. Майков, сам недавно отпраздновавший пятидесятилетний юбилей своей поэтической деятельности. Вот стихотворение Аполлона Николаевича». Ниже был помещен текст юбилейного послания Майкова.[25] Послания Майкова и Полонского, опубликованные 29 января в «Московском листке» и перепечатанные 30 января в «Московских ведомостях», только после этого были представлены читающей публике в № 2 «Русского вестника».[26]

О начале работы над юбилейным посланием Фету Майков сообщил сыновьям Владимиру и Аполлону в письме от 12 января 1889 года: «Случайно спала у меня гора с плеч по поводу юбилея Фета. Написал я маленькое стихотворение, картинку; да и вижу потом, что из него

---

[23] Юбилей А. А. Фета // Московский листок. 1889. 29 января. № 29. С. 3.

[24] Там же.

[25] Там же. Эти публикации остались неучтенными в библиографии В. С. Федины. Представляет интерес и завершающее подборку материалов в «Листке» «заявление» Фета: «А. А. Фет просит нас заявить, что, не имея возможности отдельно поблагодарить всех приславших ему приветствия по случаю пятидесятилетия его литературной деятельности, он спешит печатно выразить им свою беспредельную признательность и просит другие газеты перепечатать это его заявление» (Там же). В «Московских ведомостях» за 30 января после юбилейных материалов также было помещено обращение Фета: «А. А. Фет просит нас напечатать следующее: „Несказанно осчастливленный самыми дорогими и задушевными приветствиями, приходящими со всех сторон, юбиляр, по слабости зрения и упадку сил, будучи не в состоянии отвечать отдельно далеким друзьям, просит их принять выражения живейшей его признательности. / А. Фет“» (*МВед.* 1889. № 30. С. 3; ср. то же: *Садовской Б.* Ледоход: Статьи и заметки. С. 192).

[26] *РВ.* 1889. № 2. С. 233—234; оба текста под номерами: I и II (II — послание Полонского «Ночи текли — звезды трепетно в бездну лучи свои сеяли...»), даны под общим заглавием «А. А. Фету (В день его 50-летнего юбилея 28 января 1889 г.)». Ср. также публикацию обоих текстов: Новости и Биржевая газета. 1889. 1 февраля. № 32. С. 3.

можно воспользоваться для Фета, и вышло следующее <...> будут поправки, сообщу. А вы — свои заметки».[27]

Дальше в письме помещен текст стихотворения (в черновой редакции):

Когда, что бурный конь, порвавший удила,
Неудержимый стих, с путей метнувшись торных,
В пространство ринется, и с зоркостью орла
Намеченную мысль, средь пропастей ли черных[28]
Иль в звездных глубинах, ухватит как трофей,
О, как он тешится, один, лишь сам с собою,[29]
Ее еще людьми незнаемой красою,
Дивяся,[30] радостный, сам дерзости своей...
А ты, поэт, за ним, в томительном волненье,
Следивший в высотах и безднах — в то мгновенье —
Как победителем он явится к тебе, —
В блаженстве знаешь ли ты равного себе?..

Тебе знакома, Фет, знакома эта радость!
Таких трофеев полн тобой созданный храм!
И перейдут они в наследие векам,
И свежесть сохраня и аромата[31] сладость,
И все — в их красоте и блеске — все одним
Помечены тавром и вензелем твоим![32]

«Недурно вышло, — заключает Майков. — Кажется, можно надеяться, что не последними будут они на юбилее. О стихи, стихи! что бы без них я делал в разлуке с вами! Одно утешение, одна отрада, одно забвение! Но за большое не могу приняться! что-нибудь не дозрело. О, кому дано какое-нибудь искусство, дорожите этим даром Божиим! ставьте его во главу угла жизни. Если и не во главу угла, когда овладеет недостаточно, как Володя музыкой, то и того не кидай <...>».[33]

Следует сказать несколько слов о письмах Майкова к сыновьям. Многолетняя домашняя переписка в архиве семьи Майковых, богатом и хорошо сохранившемся, передает характер отношений в семье — между родителями и детьми, между братьями, их женами и другими родственниками, не менявшихся, кажется, у трех поколений «фами-

[27] *ИРЛИ*. № 17001. Л. 16.

[28] *Было*: <Намеченную мысль,> в пределах бездны ль черных

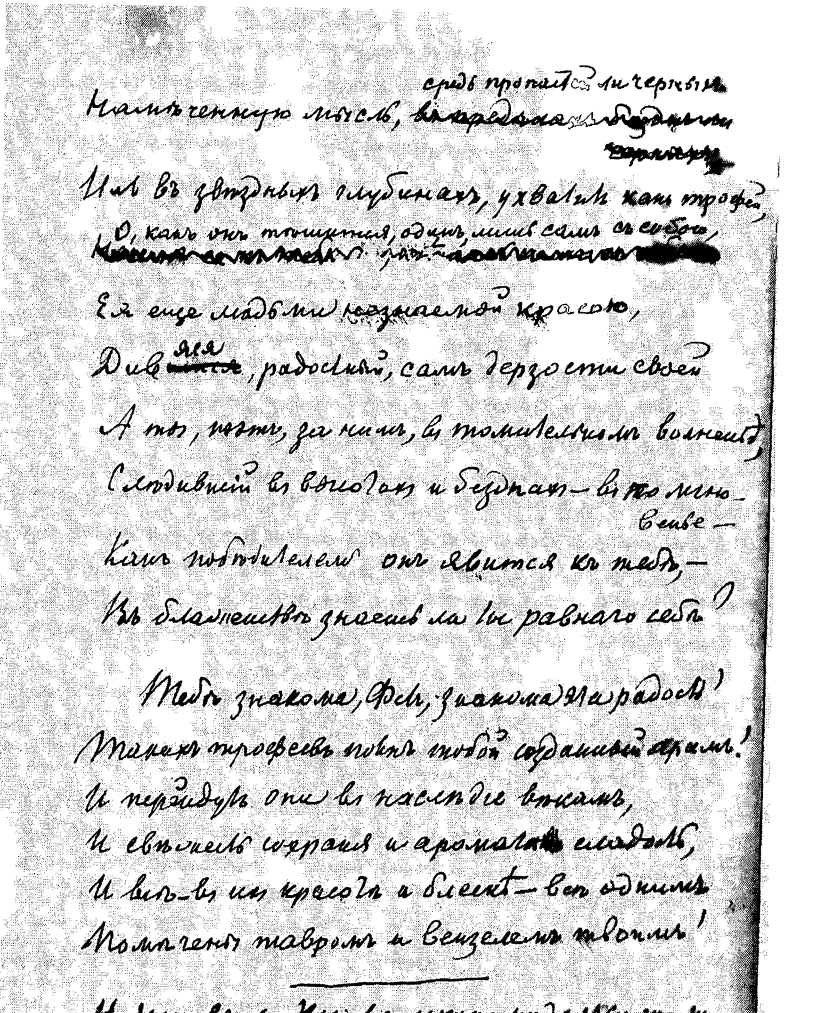
[29] *Было*: Несет ее к себе, ласкает сам с собою

[30] *Было*: Дивится

[31] *Было*: ароматов

[32] *ИРЛИ*. № 17001. Л. 16–16 об.

[33] Там же. Л. 16 об.



Юбилейное послание А. Н. Майкова Фету
«Когда, как бурный конь, порвавший удила...».
Черновая редакция. Вторая страница,
в письме к сыновьям от 12 января 1889 г.

лии талантов».[34] Отношения эти отличались исключительной доверительностью, редкой душевной близостью. Почти идиллическим предстает семейный мир Майковых и в мемуарах современников.[35] Тот же Полонский в одном из посланий Аполлону Майкову восклицал: «А ты счастливец! — любишь ты / Домашний мир. Твои мечты / Не знают роковых стремлений <...>».[36]

Владимир Майков, сын поэта и адресат процитированного выше письма, с 1887 года служил драгоманом (переводчиком) при российском генеральном консульстве в Константинополе. Его младший брат Аполлон, которого в семье, как и отца, звали Попкой, с детства страдавший тяжелым костным заболеванием, жил вместе с ним.[37] Аполлон Николаевич 16 сентября 1887 года писал А. А. Краевскому из Константинополя: «Вы, может быть, удивитесь, прочтя в начале моего письма слово: Константинополь, и у Вас возникнет вопрос, как я сюда попал? А более или менее поневоле. Второй мой сын, Владимир, нынешний год отправлен сюда в драгоманы (он — ориенталист) на службу; этим я воспользовался, чтобы отправить с ним и третьего, который страдал с 12 лет — теперь ему 19 — воспалением накостной плевы, выдержал две операции, резекцию локтя; к болезни руки присоединилось еще то же самое на ноге, и вот в надежде, что теплый климат ему поможет,

---

[34] Я имею в виду художника Николая Аполлоновича *Майкова* (1794—1873), его жену, прозаика и поэта Евгению Петровну *Майкову* (урожд. Гусятникова; 1803—1880), их литераторов-сыновей — Аполлона, Валериана (1823—1847), Владимира (1826—1885), Леонида (1839—1900), жен (невесток) — Анну Ивановну *Майкову* (урожд. Штеммер; 1830—1911), жену Аполлона, Екатерину Павловну *Майкову* (урожд. Калита; 1836—1920), жену Владимира, Александру Алексеевну *Майкову* (урожд. Трескина; 1841—?), жену Леонида, и др. См. о «фамилии талантов»: *Ямпольский И. Г.* Из архива А. Н. Майкова // *Ежегодник РО ПД* на 1974 год. Л., 1976. С. 24—52; *Майков А. Н.* Письма / Публ. И. Г. Ямпольского // *Ежегодник РО ПД* на 1975 год. Л., 1976. С. 72—121; Из неизданной книги Ф. Д. Батюшкова «Около талантов»: «В семье Майковых» / Публ. П. Р. Заборова // *РЛ*. 2000. № 3. С. 177—193; *Гродецкая А. Г.* Чувствительные и холодный (В. А. Солоницын и семья Майковых); Из переписки В. А. Солоницына и Е. П. Майковой 1843—1844 гг. / Подгот. текста, примеч. А. Г. Гродецкой // Лица: Биогр. альманах. СПб., 2001. Т. 8. С. 5—49, 53—133; *Володина Н. В.* Майковы / Отв. ред. В. А. Котельников. СПб., 2003 (сер. «Преданья рус. семейства») и др.

[35] Теплые воспоминания о доме Майковых оставили И. И. Панаев, Д. В. Григорович, А. Н. Плещеев, Ф. М. Достоевский, А. В. Старчевский, С. Д. Яновский, Е. А. Штакеншнейдер и др.

[36] *Полонский Я. П.* А. Н. Майкову (1857) // Полонский Я. П. Соч. Т. 1. С. 122.

[37] См. о сыновьях А. Н. Майкова Николае (р. 1852), Владимире (р. 1861) и Аполлоне (р. 1867): *Володина Н. В.* Майковы. С. 210, 252, 292—294; см. также: Письмо А. Н. Майкова к сыновьям с воспоминаниями о И. А. Гончарове / Публ. А. Ю. Балакина // *Ежегодник РО ПД* на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 215, 218—219.

мы отпустили его с братом. Но как климат Константинополя сам по себе не особенно хорош, то поместились они на берегу Мраморного моря против Принцевых островов, на остром мысу. Место отменно здоровое, морской воздух, в Константинополь частые пароходы, так что устроились хорошо».[38] О болезни младшего сына Майкова сообщал и Н. Н. Страхов Фету, и также в письме от 16 сентября 1887 года: «Плохие вести сюда приходят об Аполлоне Н. Майкове; его младший сын, любимый, умница, ради которого отец и мать пустились в Турцию, не поправляется, а гаснет на глазах».[39]

Сыновьям Аполлон Майков пишет часто, два-три раза в неделю, и его подробные письма подобны дневнику. Подчас, начинаясь утром, они продолжаются, как хроника проживаемого дня, и днем, и вечером. Ответные письма, к сожалению, неизвестны. Письма Аполлона Николаевича откровенны, можно сказать даже — исповедальны, и почти в каждом звучат признания в любви к детям. Он признается, например: «Пишу я вам, дети мои, сокровенное <...>. Да мне все кажется, что это продолжение старого: что Попка в своей комнате лежит на постеле и я сажусь напротив на диван и рассказываю „новости“, а Володя выскочил из своей комнаты послушать. Уж очень привык жить одною с вами жизнью, вам давать и от вас получать. Не знаю, много ли даю теперь, но получаемого все мне мало, особенно при водворении неправильности прихода писем».[40]

В письмах Майкова много ценных мемуарных сюжетов, сыновей он посвящает и в собственный творческий процесс. 13 января 1889 года он сообщает детям о продолжении работы над посланием Фету: «Стихотворение к Фету я переправил и окончательно кончил, уже ваш список не годится, впрочем, я не помню точно, какой вам переписал. Оно перестроивалось несколько раз».[41] И наконец в письме от 15 января отсылает в Константинополь завершенную редакцию стихотворения со словами: «Вот окончательный вид стих<отворения> к Фету на юбилей. Выходит даже верная его характеристика, как говорят, — именно что касается его удачных *стихов*».[42]

---

[38] Цит. по: Письмо А. Н. Майкова к сыновьям с воспоминаниями о И. А. Гончарове. С. 218 (подлинник: *РНБ*. Ф. 73. № 1192. Л. 1 об.—2).

[39] *Фет/Страхов*. С. 442.

[40] *ИРЛИ*. № 17001. Л. 21 об.

Там же. Л. 19 об.

[42] Там же. Л. 22 об. На конверте: «Константинополь через Вену. / *Constantinople voie de Vienne*. / Consulat Impérial de Russie. / Его высокоблагородию / Владимиру Аполлоновичу / Майкову». Штемпели: 1) Санкт-Петербург, 17 янв. 1889; 2) Константинополь, 23 янв. 89. На обороте конверта крупно помета синим карандашом (видимо, рукой В. А. Майкова): «16 янв. 89» (Там же. Л. 20—20 об.).

В Константинополь был отправлен следующий текст:

Когда, как бурный конь, порвавший удила,
Неудержимый стих, с путей метнувшись торных,
В пространство ринется и, с зоркостью орла
Намеченную мысль, средь пропастей ли черных
Иль в звездных высотах, — ухватит как трофей —
О, как он тешится, один, с самим собою,
Ее еще людьми незнаемой красою
Дивяся, радостный, сам[43] дерзости своей!
А ты, поэт, за ним, в томительном волненье
Следивший в высотах и безднах, — в то мгновенье,
Как победителем он явится к тебе,
В блаженстве равного ты знаешь ли себе?
Тебе знакома, Фет, знакома эта радость!
Таких трофеев полн тобой созданный храм!
И перейдут они в наследие векам,
И свежесть сохраня и аромата сладость,
Играя радуги цветами — и одним
Помечены тавром и вензелем твоим.[44]

После текста стихотворения следовала приписка: «Вот я вам сколько наболтал. Все это, впрочем, на поверхности шара и вертится на оси. А ось-то: хочется к вам. Ну, да Бог не без милости. А пока все еще в мечте буду целовать и миловать вас и сердцами вашими греться. Только бы в них было светло!».[45]

В следующем письме, от 19 января, Майков обращается к младшему сыну: «Ты, Попка, так низко ценишь Фета, что, пожалуй, впадешь в мрак за мое ему приветствие. Но в этом приветствии есть нечто, что могут найти язвительным: я говорю об отдельных стихах, иногда у него удивительных, а об мире поэзии, им созданном — ничего, потому что его нет. Это и тебя может обезоружить относительно меня. А мне он написал прекрасное стихотворение „Пятьдесят лебедей“, и мне было бы обидно, если б мое было ниже. Но олицетворение стиха, отчасти олицетворение моментов творчества, какое у меня бывает и о котором я вам часто говорил, точно кто другой пишет через меня, и я не знаю еще, чем он кончит, только захлебываюсь от удовольствия и любопытства, что будет дальше, к чему он приведет».[46]

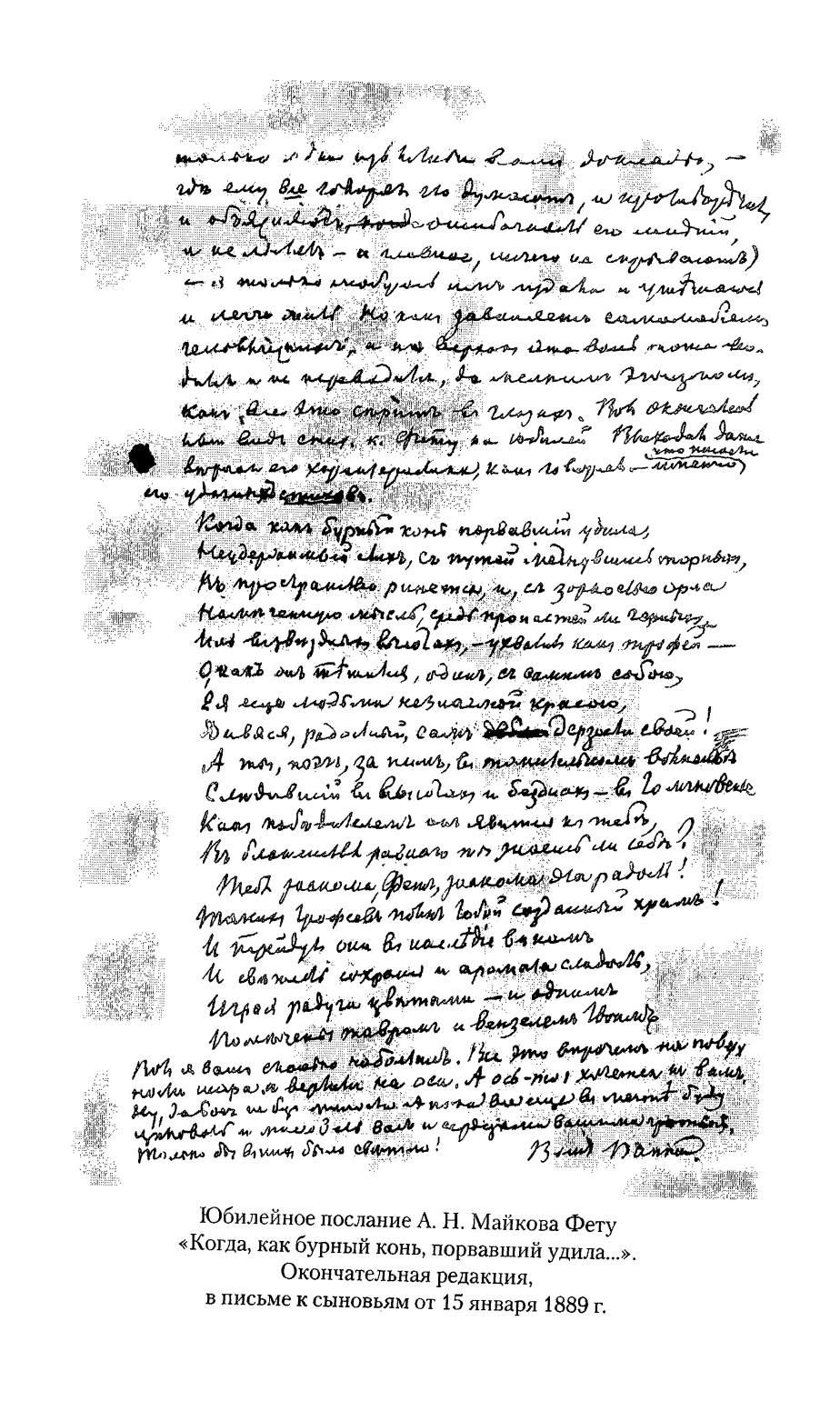
---

[43] *Далее начато и зачеркнуто*: добл<ести?>

[44] *ИРЛИ*. № 17001. Л. 22 об.

[45] Там же.

[46] Там же. Л. 26 об. Имеется в виду послание Фета «На юбилей А. Н. Майкова. 30 апреля 1888 года» («Пятьдесят лебедей пронесли...»); см.: *Фет. ССиП*. Т. 5. Кн. 2. С. 28, примеч. на с. 303.



Юбилейное послание А. Н. Майкова Фету
«Когда, как бурный конь, порвавший удила...».
Окончательная редакция,
в письме к сыновьям от 15 января 1889 г.

Эти мысли поэта о чуде творчества продолжают, несомненно, основную тему его послания к Фету.

Чрезвычайно интересно письмо от 28 января. «Сегодня в Москве, — пишет Майков, — празднует юбилей Фет. Вел<икий> кн<язь> по этому поводу вчера вечером прислал записку, приглашая на обед, на коем будут графиня Толстая (вдова Алексея Толстого), Полонский и Кутузов с женой. Я должен был отказаться. В „Нов<ом> вр<емени>“ сегодня его стихотворение к Фету и статья Страхова, в которой изложена характеристика фетовской поэзии. Ты, Аполлон, относишься к ней слишком строго и с той точки зрения, как изъясняет Страхов, на нее не взглянул. Я все прикидываю, схвачена ли мною в моем приветствии какая-нибудь черта его поэзии, и нахожу, что *да*, если не по существу, то по внешней картинности его процесса схватывания этих „неуловимых и неосязаемых“ оттенков в его реализации мимолетящих мгновений, на это главное и указывают все характеристики его другими. Так ли это?

В нем, однако, все-таки есть определенность, а вот поэзию Яшеньки я не могу себе представить без сравнения с поэтическим хаосом, где все элементы перепутаны, как в Млечном пути, как в хаосе до устроения его Высшей Разумной силой. То же и относительно содержания, то же и относительно формы. Вот Фофанов совсем необразованный человек, родом чухонский мальчик, но из молодой плеяды, по-моему, более всех одаренный от природы, напоминает мне сказку о щегленке, которую рассказывает мама, что был создан жалкой серенькой птичкой и жаловался Богу, что другие такие цветом красивые птицы, а он несчастный; Бог и взял остатки всех красок и набрызгал на него. Так и Фофанову, что осталось глинки от Фета, Полонского, меня и др., это он все и покидал на несчастного чухонца».[47]

Имя входившего в моду К. М. Фофанова, в котором видели продолжателя линии «чистой поэзии», появляется в этом письме не случайно. Отношение к его поэзии было в это время актуальным не только для Майкова, но и для каждого из участников «тройственного союза». В оценке его стихов Майков сдержаннее и мягче, нежели Я. П. Полонский, который летом 1889 года готовил для Пушкинской комиссии при Академии наук официальный отзыв на сборник Фофанова «Стихотворения» (СПб., 1889), представленный на соискание Пушкинской премии. Он писал Фету 7 июля: «Слыхал ли ты когда-нибудь, что у нас в моде поэт Фофанов, которого раскупают так, как нас с тобой никогда

ИРЛИ. № 17001. Л. 37 об.—38. Упомянуты в письме: поэт Арсений Аркадьевич *Голенищев-Кутузов* (1848—1913) и его жена — Ольга Андреевна *Голенищева-Кутузова* (урожд. Гулевич; 1853—1924). Дед поэта Константина Михайловича *Фофанова* (1862—1911) был крестьянином Олонецкой губернии.

не раскупали... Он уже издал второй сборник своих стихотворений (120 штук) и послал в Академию наук в надежде получить Пушкинскую премию. — <...> Ну вот я его и почитываю — и чем больше читаю, тем больше ахаю! — Чем больше вчитываюсь, тем больше прихожу в несказанное удивление — от невообразимых нелепостей, которыми пестрят эти зело прославляемые стихотворения! <...> Не только нам с тобой за ним не угнаться — сам Бенедиктов спасовал бы!.. А стих хоть куда! Звонкий и бойкий. <...> Несомненно, у Фофанова есть талант, но невежество и бред, принимаемые за фантазию, — невообразимы!».[48] До этого, в январе 1889 года, Полонский записал в дневнике: «Фофанов несомненно с поэтическим дарованием — но лучшие из его лирических стихотворений напоминают то Фета, то Тютчева. Он прекрасно владеет стихом и рифмой, — но большая часть его стихотворений и бессодержательна, и не носит на себе печать его личности. — Это какой-то поэт безличный».[49]

Фет на размышления Полонского о поэзии Фофанова отреагировал в письме от 14 июля 1889 года: «Что касается до меня, то я слишком поверхностно знаком с произведениями Фофанова, и слова мои о нем могут иметь только весьма относительное значение. Поэтическая жилка в нем бесспорна, и я лично, а быть может и другие можем порадоваться, читая Фофанова, бесследному исчезновению той поганой семинарской гражданской скорби, которой хвост еще под соусом подавался у Надсона. Но ведь отсутствие гадости не есть ручательство за присутствие прелести. Надо быть дубиной, чтобы не различать поэтического содержания Тютчева, Майкова, Полонского и Фета. Но какое содержание у Фофанова? Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что это варьяции на фетовские темы».[50]

Имя Фофанова появилось и в газетных материалах в юбилейные фетовские дни. Е. М. Гаршин, например, в статье «Литературная беседа», помещенной 29 января в «Биржевых ведомостях», саркастически заметил: «Чествуют Полонского, Майкова и Фета, а весь блеск современной поэзии сосредоточился в одном Фофанове, который всеми правдами и неправдами протискался на Парнас и чувствует себя на короткой ноге с олимпийцами».[51]

Важную для Майкова «характеристику фетовской поэзии» в статье Страхова о Фете в «Новом времени» содержали, вероятно, следующие

---

[48] *Фет/Полонский.* С. 740—741. В примечаниях к письму приводится фрагмент официального отзыва Полонского о стихотворениях Фофанова (Там же. С. 741).

[49] Цит. по: Там же (подлинник: *ИРЛИ.* № 11115. Л. 155).

[50] Там же. С. 741—742.

[51] Биржевые ведомости. 1889. № 29. С. 1.

пассажи: «Он певец и выразитель отдельно взятых настроений души или даже минутных, быстро проходящих впечатлений <...> он уловляет только один момент чувства или страсти, он весь в настоящем, в том быстром мгновении, которое его захватило и заставило изливаться чудными звуками. Каждая песня Фета относится к одной точке бытия, к одному биению сердца, и потому неразложима, неразделима <...>». Или еще: «Кто любит и понимает Фета, тот становится способным чувствовать поэзию, разлитую вокруг нас и в нас самих, т. е. научается видеть действительность с той стороны, с которой она является красотою, является попыткой воплотить смысл и жизнь, осуществить идеал. <...> Он, как ярко загоревшийся факел среди ночи, вдруг освещает все предметы и далеко разгоняет сумрак, в котором мы живем. <...> Его стихи — как будто внезапная молния поэтического озарения действительности».[52]

Сведения об обеде в Мраморном дворце у великого князя Константина Константиновича, посвященном юбилею Фета, сохранились в письмах как устроителя обеда, так и его участников. В письме от 28 января 1889 года великий князь сообщал Фету: «Сегодня мы с женой отпраздновали Вас обедом: к нам собрались гр. С. А. Толстая, Яков Петр<ович> Полонский и гр. А. А. Кутузов с женой; мы пили шампанское за вас и за вашу Музу <...>. К сожалению, А. Н. Майков по нездоровью должен был отказаться от нашего приглашения. — Вы видите, вас и в Петербурге не забыли».[53] Полонский писал Фету в тот же день: «Сейчас вернулся от вел. князя Константина Константиновича. — В день твоего юбилея, сегодня, он пригласил к себе на обед Майкова, графа Голенищева-Кутузова, вдову Ал<ексея> Толстого графиню Толстую и меня. — / За обедом мы пили здоровье Фета (к сожалению, Майков по болезни отсутствовал)».[54]

Текст юбилейного послания Майкова Фету, включенный в его письмо к сыновьям от 15 января 1889 года, почти идентичен тексту, отправленному юбиляру и сохранившемуся в его архиве. На «прелестное стихотворение», полученное 28 января, Фет откликнулся письмом 29 января, то есть на второй день юбилейных торжеств.[55] И Майков не замедлил с ответом, отозвавшись письмом 1 февраля.[56]

---

[52] *Страхов Н.* Юбилей поэзии Фета // *НВр.* 1889. 28 января. № 4640. С. 2.

[53] *Фет/К. Р.* С. 745—746.

[54] *Фет/Полонский.* С. 709—710.

[55] См. публикацию переписки Фета и Майкова в наст. томе, письма 3 и 4. Единственное разночтение в текстах (помимо двух пунктуационных) — в предпоследней строке: Играя радуги цветами — и одним (*ИРЛИ*) / Цветами радуги играя и одним (*РГБ*).

[56] См. публикацию переписки Фета и Майкова в наст. томе, письмо 5.

Копии как фетовского письма, так и своего ответного Майков отсылает сыновьям в Константинополь 2 февраля 1889 года со следующими словами: «А вы уж очень строги к Фету. Ведь уж не Надсон же это! Не попусту же столько заявлений ему отовсюду. Надо бы сделать ему издание „избранных“ пьес, а то действительно многое опошлилось в романсах, многое не стоило печати. Ведь и Пушкин в ефремовском издании хуже того же Пушкина в анненковском или плетневском. От него в ответ на мои стихи получил я премилое и прелюбезное письмо, копию с которого прилагаю, а равно и копию с моего на оное ответа. Прилагаю также новое стихотворение к буквам К. Р. Я и сам не знаю, как оно сложилось стих за стихом, мысль за мыслью, образ за образом. Любопытствую, что вы скажете. Как написал, так ему, т. е. вел<икому> кн<язю>, и послал. Все-таки это выражение впечатления на меня его поэзии, которой главная подкупающая прелесть — душевная чистота. Пожалуйста, прочтите внимательно его три стихотворения в „Р<усском> вестнике“ По-моему — первоклассные».[57]

На следующей странице того же письма — копия (без разночтений, скорее всего рукой А. И. Майковой, жены поэта) письма Фета от 29 января 1889 года.[58] На обороте этой же страницы — копия (рукой Майкова) его письма к Фету от 1 февраля 1889 года,[59] однако это копия черновика майковского письма, который также сохранился в его архиве[60]

[57] *ИРЛИ*. № 17001. Л. 42 об.—43. На первой странице письма с датой, проставленной слева, перед текстом письма: «2-го февр.», справа в верхнем углу чернилами: «Отправлено 3-го фев. 1889-го». На конверте: «Турция. / *Constantinopole*. / *В Константинополь*. / В имп. Российское Генеральное *Консульство*. / Его высокоблагородию / Владимиру Аполлоновичу / *Майкову*». Штемпели: 1) Санкт-Петербург, 3 фев. 1889; 2) Одесса, 7 фев. 1889; 3) Константинополь, 9 февр.; на обороте конверта крупно чернилами помета синим карандашом (В. А. Майкова?): «2 февр. 89» (Там же. Л. 45—45 об.). Речь идет о шеститомном Собрании сочинений Пушкина (СПб., 1880—1882), подготовленном П. А. Ефремовым, и об изданных П. В. Анненковым «Сочинениях» Пушкина (СПб., 1855—1857. Т. 1—7). П. А. Плетнев был издателем почти всех сочинений Пушкина, начиная с 1826 г. Упомянутое Майковым «новое стихотворение к буквам К. Р.» под заглавием «К. Р.» («Эти милые две буквы — / Что два белые огня / В час осенний, в бездорожье, / Манят издали меня <...>») см. в том же письме: *ИРЛИ*. № 17001. Л. 43 об. Стихотворения К. Р. в «Русском вестнике» — трехчастные «Гекзаметры» (1889. № 2. С. 92—93), опубликованные в том же номере журнала, что и юбилейные послания Фету Майкова и Полонского (С. 233—234).

[58] *ИРЛИ*. № 17001. Л. 44.

[59] Там же. Л. 44 об.

[60] Там же. № 16694. Л. 1—1 об. По этому черновому автографу письмо было опубликовано И. Г. Ямпольским; см.: *Майков А. Н.* Письма / Публ. И. Г. Ямпольского // *Ежегодник РО ПД* на 1978 год. Л., 1980. С. 204—205. См. публикацию переписки Фета и Майкова в наст. томе, письмо 5.

и хотя и незначительно, но отличается от исправленного текста, посланного Фету и сохранившегося в архиве адресата.[61]

В письме к Майкову от 29 января 1889 года Фет так оценил его юбилейное послание: «К сожалению, долго, вероятно, придется России дожидаться такого могучего укротителя коней, мечущихся с торных путей, каким был А. Н. Майков в течение полувека. В этом случае красивые стихи твои скорее относятся к тебе, наш могучий Мессап, а не ко мне, смиренно стрекочущей Цикаде».[62] В следующем письме, от 1 марта 1889 года, он напишет, вспоминая послание Майкова Полонскому: «Всезрящим оком поэта смотря в лицо идеям вещей, ты выразил всю нашу тройственную поэтическую судьбу словами: „три мальчика" Милый Полонский, вспоминая эти слова, комически прибавляет: „хороши мальчики!" Смейтесь, господа, сколько угодно; но в правдивой истории литературы этим трем мальчикам суждено неразрывно оставаться *тремя мальчиками* или *тремя юбилярами*».[63]

В юбилейных посланиях и Майков, и Полонский ставили задачу определить самую суть поэтического дара юбиляра. Центральный мотив у Полонского — космизм поэтического гения, участвующего наравне с богами в «мировой игре»; «песни вековые» Фета сопринодны древним мировым голосам:

Ночи текли — звезды трепетно в бездну лучи свои сеяли...
Капали слезы, — рыдала любовь; и алел
Жаркий рассвет, и те грезы, что в сердце мы тайно лелеяли,
Трель соловья разносила — и бурей шумел
Моря сердитого вал — думы зрели, и — реяли
Серые чайки...
Игру эту боги затеяли;
В их мировую игру Фет замешался и пел...

Песни его были чужды сует и минут увлечения,
Чужды теченью излюбленных нами идей; —
Песни его вековые — в них вечный закон тяготения
К жизни — и нега вакханки, и жалоба фей —
В них находила природа свои отражения,
Были невнятны и дики его вдохновения
Многим; но тайна богов требует чутких людей.[64]

Стихотворение Майкова выстраивается иначе. В нем также присутствует образ поэта, связанный с романтической концепцией поэти-

[61] См. публикацию переписки Фета и Майкова в наст. томе, письмо 5.
[62] См.: Там же, письмо 4.
[63] Там же, письмо 7.
[64] *Полонский Я. П.* Соч. Т. 1. С. 249.

ческого творчества, с идеей поэтического избранничества. Открытый пафос, яркие метафоры в первой части (порыв «бурного коня», охотничьи «трофеи» горного орла), необходимые для передачи фетовской «внешней картинности» при «схватывании» неуловимых оттенков «мимолетящих мгновений», о чем он писал сыновьям, в завершающих строках сменяются мирными мотивами блаженства, сладости, ароматов, игры цвета. В послании Майкова не только «схвачена» индивидуальная особенность поэзии Фета, оно вместе с тем близко лирической исповеди, он пишет и о Фете, и о себе. И не случайно поэтому работа над текстом идет непосредственно в откровенно-исповедальных письмах к сыновьям.